

Литературныя замѣтки

Не разъ приходилось и слышать и читать, что «Современныя Записки» при всей своей солидности, культурности и даже значительности являются журналомъ идейно половинчатымъ, политически блѣднымъ, лишеннымъ волевого пафоса и боевого задора. Эти недостатки часто прощаются какъ понятные, неизбежные; иногда даже привѣтствуются, какъ симптоматически показательные, но они все-же неуклонно констатируются.

Мнѣ кажется, — происходитъ большое недоразумѣіе.

Совершенно вѣрно пишетъ, напримѣръ, г-нъ Левъ Пушинъ въ № 2 «Новаго корабля», что «наше время... требуетъ отъ насъ опредѣленнаго *отношенія* ко всякому значительному явленію жизни, притомъ съ послѣднею опредѣленностью выраженнаго», но совершенно не вѣрно, что «сейчасъ такая пора, что лучше сказать невѣрное «да», невѣрное «нѣтъ», чѣмъ мямлить: съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой стороны нельзя не сознаться».

Нѣтъ спора, невѣрное «да» и невѣрное «нѣтъ» имѣютъ громадное преимущество передъ всякимъ «мямленьемъ», но они имѣютъ его только въ качествѣ конкретныхъ волевыхъ актовъ, направленныхъ на разрѣшеніе опредѣленныхъ историческихъ ситуаций и при непремѣнномъ условіи, что дѣйствующая воля искренне считаетъ свое «да» и свое «нѣтъ» за единственно вѣрное разрѣшеніе вопроса. При отсутствіи же всѣхъ этихъ условій, при критическомъ занозадриваніи своего опредѣленнаго «да», какъ быть можетъ еще и не вѣрнаго, гораздо лучше и честнѣе не то, чтобы «мямлить»... съ одной стороны... съ другой стороны, но все же вдумчиво и всесторонне (хотя бы даже по отношенію къ узко-практическимъ заданіямъ текущей минуты и безрезультатно) всматриваться въ окружающія насъ явленія жизни, чѣмъ обрушиваться на нихъ своимъ быть можетъ еще и невѣрнымъ, но зато одномысленнымъ «да» или «нѣтъ».

Я понимаю требованіе такого упреждающаго вызрѣванія мысли упрощеннаго «да» или «нѣтъ» отъ людей защищающихъ бѣдую мечту интервенціи и заговорщицкой бомбы, но я не понимаю

ея въ отношеніи къ журналу, борящемуся противъ большевизма собираніемъ русской культуры и воспитаніемъ русской воли и русской мысли въ опредѣленно и всесторонне антибольшевицкомъ, а истому и смертоносномъ для большевизма направленіи.

Для всякой духовной борьбы противъ большевиковъ необходимо прежде всего отказъ отъ большевицкаго отношенія къ явлениямъ духа. Безъ такого отказа, быть можетъ, можно замѣнить коммунистическій большевизмъ большевизмомъ евразійскимъ, фашистскимъ или еще какимъ-нибудь инымъ, но преодолѣть его невозможно.

Изъ всѣхъ эмигрантскихъ журналовъ *Современныя Записки* безусловно являются тѣмъ органомъ, который наиболѣе сознательно и опредѣленно говоритъ «нѣтъ» той атмосферѣ сепаратской нетерпимости, узколюбиваго фанатизма, тому направленческому заподозриванію всякаго инакомыслия, которыми безусловно грѣшила русская интеллигенція и которая такъ странно сгустилась въ большевицкѣ.

Этому вполне опредѣленному «нѣтъ» соответствуетъ и вполне опредѣленное «да». «Да» пересмотру всѣхъ дореволюціонныхъ позицій, «да» всякому сознанію своей вины и своего грѣха, «да» духу встрѣчи и взаимопониманія, «да» религиозно-національному бытію Россіи, «да» метафизическому содержанию и пластическому образу русской культуры, «да» духу свободы, духу социализма, «да», всегда «да» Россіи, въ данный моментъ и подъяремной, совѣтской Россіи!

Быть можетъ, не всѣ перечисленныя положенія раздѣляются всѣми согражданами «Современныхъ Записокъ», но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что каждый изъ постоянныхъ сотрудниковъ раздѣляетъ большинство изъ нихъ, подписываетъ почти всѣ перечисленныя мною «да». Координація же всѣхъ перечисленныхъ «да» ставитъ задачу коллективной выработки вполне опредѣленнаго міросозерзанія, а въ последнемъ счетѣ и вполне опредѣленной политической платформы.

Утвержденіе религиознаго бытія Россіи и социализма неизбежно приводитъ къ отрицанію социализма, какъ религіи, и къ утвержденію его лишь въ качествѣ социально-политической проекціи нравственно правовыхъ идеаловъ христіанства. Одновременное утвержденіе національнаго бытія Россіи и социализма не можетъ опредѣленно приводить къ отрицанію марксовою идеологіи классовою борьбою и всякаго интернаціонализма, направленнаго на разрушеніе національной идеи и національной эмоціи. Одновременное утвержденіе духа свободы и современной Россіи приводитъ къ строгому разграниченію совѣтской Россіи и большевиц-

каго правительства, къ темъ же болѣемирской борьбѣ противъ большевицкой власти. Но только въ виду съ чувствомъ и интересами страдающей и борющейся противъ нихъ Россіи. Отсюда все слышѣе звучащее въ «Современныхъ Запискахъ» отрицаніе «эмигрантщины», склонной съ одной стороны, сдѣлать современную Россію съ большевиками, а съ другой, отрицать за эмиграціей всякую вину передъ Россіей за ея теперешнее правительство.

Кромѣ этихъ главныхъ положеній, призваніемъ которыхъ твердо опредѣляется позиція «Современныхъ Записокъ», было бы не трудно вскрыть ибѣль рядъ и другихъ, естественно вытекающихъ изъ пересѣченія вышеозначенныхъ «да». Не отрицаю, вѣдь эти позиціи существуютъ въ «Совр. Зап.» не какъ бетонная платформа, на которой устанавливаются дальнѣйшія орудія для разгрома непріятеля, а лишь какъ неумовимая атмосфера и настроенность журнала, его руководителей и сотрудниковъ. Но мнѣ такое единство внутренняго настроенія представляется скорѣе преимуществомъ, чѣмъ недостаткомъ.

Русская общественная мысль (вся антибольшевицкая мысль) переживаетъ сейчасъ тяжелый кризисъ. Не вѣсть этого можно только по слѣдствіямъ или по нечеловѣчности. «Совр. Зап.» являются органомъ, выражающимъ этотъ духовно-общественный и политическій кризисъ. Какъ органъ кризиса онъ и не можетъ декларативно утверждать ничьихъ опредѣленныхъ условно параграфированныхъ позицій, но можетъ лишь срощивать къ единый организмъ некоей истины все то, что было правдой прожито и можно стать правдой будущаго: Россію и свободу.

Такую позицію можно считать невѣрной, слишкомъ сложной, бездѣйственной, но нѣтъ никакого основанія считать ее неопредѣленной. «Да» еднкости и многосторонности совѣсьмъ не менше опредѣленное «та», чѣмъ «за» примитивности и односторонности.

Но позиція «Совр. Зап.», конечно, не только опредѣлена, она и дѣйствительна. Не надо только забывать, что бездѣйственнечъ не только размышляющей и сомнѣвающейся мечъ, но и ни въ чемъ не сомнѣвающаяся и упрошенно, какъ мечъ, разсѣкающая проблемныя мысль. Изъ того, что мы въ то время, когда надо было дѣйствовать, слишкомъ много думали, сомнѣвались и спорили, право, не слѣдуетъ, что теперь, когда мы въ прямомъ смыслѣ этого слова не у дѣлѣ, мы не должны думать, а должны всего только разсѣкать мысли мечомъ на «да» и «нѣтъ». Изъ такого разсѣченія ничего кромѣ «Вампуки», кромѣ опернаго «бѣжкамъ, бѣжкамъ» не двитается съ мѣста, выйти рѣшительно не можетъ. Для того, чтобы быть дѣйствительной, мысль вовсе не должна имитировать дѣйственность меча: у дѣйственной мысли должна быть своя собственная дѣйст-

возможность: действительная мысль должна быть пылкой, многосторонней, совлекающей, справедливой, объективной. Къ такой дѣйствительной мысли и устремляется, на мнѣ взгляды по крайней мѣрѣ. «Совр. Зап.» и въ этомъ устремленіи я вижу положительный смыслъ того явленія, которое глѣшь, кто не достаточно чувствуя разницу между картоннымъ и стальнымъ мечомъ, обвиняють «Совр. Зап.» въ «заходистости», «беприличности», «половинчатости» и глѣшь иныхъ «бологныхъ» грѣхахъ компромисса и нерѣшительности.

Я знаю, что мнѣ можетъ быть предъявленъ вопросъ. — «а до какихъ же поръ можно и только будетъ по вашему дѣйствовать исключительно только мысленно... до безконечности, или наступитъ все же моментъ, когда надо будетъ дѣйствовать дѣйствіемъ?» Этотъ вопросъ для меня не страшень. Для меня совершенно очевидно, что такой моментъ наступитъ, но я совершенно не боюсь, что то волеустремленіе, которое не столько защищаютъ, сколько представляютъ собою «Совр. Зап.» обнаружитъ въ этотъ моментъ безролие и выйдетъ изъ игры. России завтрашнего дня ничего не будетъ столь необходимо, какъ вся въ единству и объединенію, глѣшь царь взаимопониманія и взаимовзаимствія. Члѣмъ меньше мы въ насечемъ вынужденномъ бездѣйствіи будемъ импровизировать насечемъ мечами вооруженныхъ борцовъ на полѣ сраженія, тѣмъ глубже подойдемъ другъ къ другу и тѣмъ болшею силою окажемся въ рѣшительный часъ уже реальной борьбы.

Задача эмиграція не въ твердо-амечной непримиримости, не въ идеологической партизанщкѣ, не въ полемическихъ атакахъ соотѣкой Россіи, которая не достигая цѣли, только разлагаетъ эмиграцію, а въ духовномъ собраніи Россіи, въ рожденіи пѣката люваго *замысла* о ея будущемъ обликѣ.

Эту задачу въ свое время прекрасно почувствовали евразійцы: въ этомъ ихъ несомнѣнная заслуга. Но почувствовали ее, они сразу же претали ее. Ради успешной борьбы съ большевизмомъ они приблизили свой замыселъ о Россіи въ большевикому замыслу о ней (кливъ клиномъ вышибаютъ!). Ишь погубила жажда дѣятельности, ради нея они и пошли на то практическое упрощеніе только еще начавшаго въ нихъ вызрѣвать міросозерцанія тѣмъ одномысленно рѣшительными, но невѣрными «да» и «нѣтъ», которыми и «Совр. Зап.» пытаются навязать даже и доброжелательные кригички.

Для демократической эмиграція, которой заказаны глѣ пути борьбы, что открыты для евразійцевъ, изги евразійскимъ путемъ упрощенія и усѣченія всѣхъ проблемъ, явно безмысленно, а потому мнѣ и кажется, что «Совр. Зап.» глубоко правы, склоняя

фальсификаты слишком определенных «та» и слишком определенных «итъ». И это совсем не «мямленье», а честное искаженіе истиннаго пути. Согласенъ, что это не выпрыгнуло, но зато это подлинно современно, ибо главное, о чемъ сейчасъ надо заботиться, это напряженное, трезвое и одухотворенное искаженіе истины. Миѣ кажется потому, что «Совр. Зап.» рѣшительно оправдываютъ свое названіе.

Для уясненія себѣ природы той «захолустности», «несовременности» и безпринципности «ни два, ни полтора», въ которыхъ «Совр. Зап.» обвиняетъ критикъ «Новаго корабля», не лишнее поближе присмотрѣться къ столичности, своевременности и принципиальности (пусть «невѣрное», но зато увѣренное «да») этого новаго литературнаго журнала.

Первый № «Новаго корабля» былъ какъ извѣстно обвиненъ въ «неприятномъ отгѣнкѣ семейной мелочности». Обвиненіе это по мнѣнію Ходасевича несостоятельно, такъ какъ изъ 30 страницъ перваго № девятнадцать заняты стихами и разсказами, статьи же (ихъ всего двѣ) Мережковскаго о «Свободѣ и Россіи» и Фрейдентойна о «Французской эмиграціи и литературѣ», никакъ не могутъ быть заподозрены въ кружковщину и семейственность. Одна для этого слишкомъ широка, другая слишкомъ исторична. Не будемъ спорить съ В. Ходасевичемъ. Отмѣтимъ только, что если по отношенію къ № 1 онъ быть можетъ и правъ, то по отношенію ко второму, въ которомъ появилась его осторожная (не слишкомъ ли осторожная для защитника правильнаго положенія, что каждая мысль — мечта) статья, онъ правъ уже въ гораздо меньшей степени.

Изъ 53 страницъ журнала 4 заняты стихами, которые вполне могли бы быть напечатаны въ «Звѣзѣ», 2-литературной критикой. Шесть — отчетомъ засѣданія «Зеленой лампы», на которыхъ все еще продолжали спорить о томъ, о чемъ спорить не приходится, такъ какъ совершенно ясно, что быть русскимъ писателемъ не значить описывать «березки» и «пѣтушки», можно и о джазъ-бандѣ, лишь бы онъ былъ, какъ правильно отмѣчаетъ Н. Берберова, «въ духѣ русской литературы и написанъ мастерски». Но изъ этого отмеченнаго тезиса, что и заграницей могутъ развиваться писательскіе таланты, не слѣдуетъ того, что они дѣйствительно развиваются. Кое на что указать можно, но въ общемъ безпристрастному взору ясно, что *малодая* эмигрантская литература пока что никакого сравненія съ совѣтской не выдерживаетъ. И это вполне

понятно. Положеніе молодого писателя въ эмиграціи гораздо тяжелѣе, чѣмъ положеніе молодого писателя въ Россіи. Искусство живеть конкретностью, эмиграція же только памятью и мечтой о Россіи. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ что надо впадать въ совѣтофильство и пессимизмъ. У каждаго своя судьба, не надо отчаиваться, надо напряженно и бодро работать. Но бодриться — не значить хорохориться. Въ атмосферѣ же «Зеленой лампы» завелся и крутится какой то злой, эмигрантскій «хорохоръ». Но сейчасъ не объ этомъ рѣчь. Я отмѣтилъ литературные споры «Зеленой лампы» лишь затѣмъ, чтобы подчеркнуть, что не они составляютъ центръ второго № «Новаго корабля».

Его центръ въ публицистическихъ и политическихъ статьяхъ, которыя, въ противоположность «широкимъ» «историческимъ» статьямъ перваго №, весьма конкретны и злобно злободневны. Тутъ и о будущихъ гражданахъ С. С. С. Р., «сынахъ орангутанчъ и комсомольцевъ», и о «рыжей крысѣ — Пѣшехоновѣ», и о «бьющей себя самое рабѣ — Кусковой», и о «физическомъ угасаніи памяти у с.-р.», и о «соблазненныхъ сатаною» сотрудникахъ «Пути»...

Я согласенъ съ В. Ходасевичемъ, что «каждая идея приноситъ мечъ». Но изъ этого совершенно не слѣдуетъ, что мечъ всегда разсѣкаетъ во имя идеи. Часто онъ разитъ и во имя выдумки, домысла, недомыслия, настроенія и т. д.

Вдаваться въ теоретическій анализъ различія идеи и выдумки по поводу «Новаго корабля» не стоить. Но это, къ счастью, и не нужно. Идеиное безсиліе публицистики «Новаго корабля» улавливается и безъ анализа, просто на слухъ. Идеи и мечи не слышать, а статьи «Новаго корабля» слышать; талантливо, страстно, но все-таки слышать — и это очень грустно. Видѣть это не чьи-нибудь статьи, а статьи людей сыгравшихъ въ исторіи развитія русской духовной жизни очень большую роль.

Написала въ «Совр. Зап.» Е. Кускова некрологъ о покончившемъ съ собою Тарасевичѣ. Написала очень искренне, съ большою любовью къ умершему, съ громадною скорбью о его страшномъ концѣ. Разсказала о его тяжелой работѣ въ Россіи, которую онъ несъ до конца, твердо вѣруя, что другого пути нѣтъ. Закончила свою замѣтку Кускова простыми и совершенно ясными словами: «цуетъ же не коснутся несправедливыя осужденія памяти обидѣвщика, уставшаго и замученнаго ужасами русскаго разстройства». И вотъ на эти простые, человѣческія чувства и мысли «Новый корабль» возстаетъ совершенно непонятно злобнымъ шпиемъ. Уже въ первыхъ строкахъ посвященной Кусковой статьѣ злостная и врядъ ли случайная негодность. Кускова начинается

съ того, что прочтя въ пражской газетѣ замѣтку о смерти «замѣстителя народного комиссара здравоохраненія» Тарасевича, она, Кускова, рѣшила — не опъ. нѣо «тогъ, нашъ Левъ Александровичъ не былъ замѣстителемъ и вообще никакихъ постовъ въ совѣтской Россіи не занималъ, опъ занималъ лишь постъ руководителя научнаго учрежденія». Статья же о Кусковой начинается съ прямого утвержденія, что Кускова пишетъ о Тарасевичѣ, какъ о «замѣстителѣ народного комиссара здравоохраненія».

Чѣмъ объяснить это недоразумѣніе? Почему «Новый корабль» повѣрилъ не блнзко знавшей Тарасевича Кусковой, а малоосвѣдомленной газетѣ, и почему не справился у освѣдомленныхъ людей, которые могли бы отвѣтить, что «замѣстителемъ» былъ не Тарасевичъ, а Соловьевъ? Или быть можетъ это вовсе не недоразумѣніе, а вразумленіе эмиграціи и Кусковой, что «лучше сказать *известное* «да», чѣмъ *мямлить*»...

Все дальнѣйшее содержаніе статьи наводитъ на мысль, что дѣло обстоитъ именно такъ. Напата на Кускову и защитца (лучше бы не защищать) Тарасевича, критикъ некролога пишетъ, что и «младенцу ясно, что Тарасевичъ свою вѣру потерялъ». Откуда это ясно? Чѣмъ это показано? Что даетъ критику «Новаго корабля», не знавшему Тарасевича, право съ такою самоувѣренностью говорить о томъ, что привело его къ смерти. Что это за ясноты дѣла? Ну а что если Тарасевичъ своей вѣры не потерялъ, а потерялъ только силу *итти нушемъ своей вѣры*. Я не члаетевичъ, но върешъ, что это такъ. Какъ же можно на лету, съ кападанка экспроприровать вѣру, т. е. весь смыслъ жизни неизвѣстнаго тебѣ члаетевича, лишь для того, чтобы защитить свою политическую платформу и излить свою ненависть на политическаго противника. Нельзя же сражаться покойникомъ и нельзя же описывать въ томъ стилѣ, въ какомъ это дѣлааетъ критикъ: «пабитый велячникомъ — убитымъ и полубитымъ, мертвецамъ и живымъ заглавнымъ, безиризорнымъ венерикамъ» ровъ между эмиграціей и Россіей, валитъ сверху несчастнаго Тарасевича и предлагать Кусковой «по головкамъ» перебѣжать къ большевикамъ. Это совершенно члуетовичная полемика, которую можетъ быть и можно оправдать осторожностью наязчивымъ идеями, но въ которой плеп, какъ духовной реальности и въ поминѣ итъ.

То же страшное впечатлѣніе производтъ замѣтка Ангелы Крайной о «человѣчествѣ». Въ чемъ сущность дѣла? Почему Аптонъ Крайній вдругъ рѣшилъ, что «идея члуетовичества» погасла въ головахъ современниковъ? Главнымъ, причиной (вокругъ которыхъ группируются все остальные), три. Во-первыхъ, то, что въ совѣтской Россіи производятся опыты оплодотворенія обезьяннихъ

самокъ человѣческимъ сменемъ, во-вторыхъ, то, что капиталистическія страны Европы нелюбопытно страстно борются съ советскими, начиная съ С. С. С. Р., прозявшимъ имъ гибелью, и, в-третьихъ, то, что с.-р. противъ визуального террора.

И не свѣдѣть и не думаю, чтобы идея человечества сейчасъ горѣла еще ярче (правда не думаю я и того, чтобы она сейчасъ горѣла ярче ярче, чѣмъ раньше), ноя все же не понимаю, почему такъ газетовали Антона Крайнего перечисленные факты. За гентеншіонный домыселъ собеседника Антона Крайнего, свидѣвая моему, что «при мачѣ опытовъ можетъ получиться особо критика ироніи сущестъ, прегрѣшхъ въ тѣлу перманентнаго убійства людей въ закрытыхъ помѣщеніяхъ», советскіе естествоиспытатели не въ отвѣтъ. А, крокъ того, развѣ чекеты, прещеходяще отъ обезьянъ болѣе страшны, чѣмъ чекеты люди? Скопѣ въть наоборотъ!

Что касается с.-р., то дѣло обстоитъ еще нехѣ.

Да, они считали терроръ цѣлесообразнымъ, а теперь въ «полной памяти» и здравомъ умѣ считаютъ его нецѣлесообразнымъ. И ничего изъ этого удивительнаго и безправственнаго нѣтъ. Ибо сейчасъ совершенно другая историческая и психологическая обстановка. Плающая терроръ нецѣлесообразнымъ. Раньше было нецѣлесообразно, что во всѣхъ террористическихъ организацияхъ Азефы организавнио всегда торжествуютъ надъ Калевыми, а теперь известно, Раньше Азефы существовали въ Россіи только въ качествѣ влиятельныхъ агентовъ охранки, а теперь вся большевническая Россія (сравнительно и вся голова правительственнаго слога) насъкъ протѣла азефшиной. Раньше выстрѣлъ террориста гулко прокатывался по всей Россіи, а теперь выстрѣла стало не слышно, — уже 10 дѣтъ мы только и слышимъ, что выстрѣлы. Раньше подвигъ отдачи своей жизни потрясалъ, а теперь не потрясаетъ, — мало ли жизней было героически отдано въ гражданской войнѣ. Тѣмъ, чѣмъ терроръ былъ въ свое время — поединкомъ между народной партией и правительствомъ, онъ сейчасъ быть не можетъ. Сейчасъ, организованный эмиграціей, онъ можетъ быть только игрой въ кукушку, т. е. стрельбой въ темную. Если дѣло обстоитъ такъ, то упрекать с.-р. въ «физическомъ угасаніи памяти» на томъ основаніи, что они сейчасъ протѣла эмигрантскаго террора право неосновательно. Въль изъ того, что с.-р. не хотѣтъ поджигать болота, никакъ не слѣдуетъ, что они забыли, что когда-то поджигали сухостой.

Изъ сожалѣнію, не могу подробнѣе остановиться на третьемъ, вытвинутомъ Антономъ Крайнимъ, обвиненіи противъ человечества. Я хорошо понимаю нервъ этого обвиненія. Но въ политикѣ

одного «нерва» мало; лучше даже вообще безъ нервовъ. Борьба антикоммунистической Европы и коммунистической Россіи — не турниръ и правила чести и рыцарской доблести къ ней непримѣнимы. Политика не грязное дѣло, но дѣло сложное и дѣло житейское. Отвѣчать на большевицкое заявленіе «мы существуемъ, чтобы васъ уничтожить» предложеніемъ поторговать, конечно, не нарочно, не звонко, но разумно и не безчестно. Это не отклоненіе вывоза, а только выборъ оружія. Торговая интервенція — много лучше военной, а торговля безъ интервенціи — много лучше торговой интервенціи. Обвиняя европейскихъ политиковъ въ безпамятствѣ и въ склонности ко всяческимъ компромиссамъ, нельзя забывать зависимости всѣхъ европейскихъ политиковъ отъ массы, среди которыхъ все еще не изжитъ соблазнь большевизма. Во времена Мицкевича дѣло обстояло въ этомъ смыслѣ совершенно иначе. Антирусская пропаганда Мицкевича врядъ ли могла возмущать французовъ; антисовѣтская же пропаганда русскихъ эмигрантовъ можетъ, конечно, возмущать опредѣленные польскіе круги. Вѣдь «Совѣты» не только національная Россія, но и интернациональный пролетаріатъ. Это совершенно другое положеніе и нельзя, упрекая всѣхъ въ безпамятствѣ, забывать о столь существенной вещи.

В. Злобинъ. — не Антонъ Крайній. За нимъ никакихъ заслугъ и талантъ не тотъ. Разбирая его замѣтку о «Пути» у меня нѣтъ основанія. Да и тема замѣтки «православіе и большевизмъ» слишкомъ ответственна, чтобы говорить о ней вскользь. Итъ словъ. «Путь» круто повернулъ свой путь. Но вѣдь онъ и называется «Путемъ» а не «столбомъ». Я понимаю, — крутой поворотъ «Пути» и въ особенности его редактора Ш. А. Бердяева, можетъ вызывать лѣтнюю тревогу, заботу, волненіе. Но что эти чувства имѣють общаго съ тою полемическою похотью, которая протривала В. Злобину его *недописанную* статью. Какимъ только грѣховъ не приписываетъ Злобинъ Бердяевскому пути и «Пути» Бердяева. Тутъ и «рабій лепетъ», и «дезертирство», и «сумасшествіе», и «конуство», и «утрата критерія добра и зла», тутъ приписываніе «Пути» мнѣнія, что «чека дѣлаетъ свое дѣло почтакъ не безъ Божьей помощи», и что «большевизскія казни совершеняются во имя абсолютнаго добра», тутъ, наконецъ, и прямое заявленіе, что «Путь» не устоялъ и потчался цывольскому соблазну и что церковь скажетъ ему «отойди отъ меня сатана».

И все это брошено на шести страничкахъ спокойнымъ, самоувереннымъ жестомъ (какимъ карты сдають) безъ малѣйшей попытки углубленія въ тѣ громадныя вопросы, о которыхъ плетъ рѣчь, безъ осознанія существенной связи поворота «Пути» съ

тѣмъ путемъ, что прошла патриаршая церковь въ Россіи, безъ великой тревоги за право на свою жестокую «правду» и съ абсолютной глухотой на правду той подлинной тревоги за религиозныя судьбы Россіи, которая безусловно звучитъ въ «Пути». Очень неприятная статья. О ней не стоило бы и говорить, если бы она не гнѣздилась въ той основной для ново-корабльных настроеній, которую прекрасно сформулировалъ въ своей замѣткѣ Д. Мережковский: «русская эмиграція, пишетъ онъ, есть ковчегъ надъ русскими потопами. Ной ковчега — самъ великій духъ Россіи».

Оставляя на отвѣтственности Д. С. Мережковского уже не впервые высказываемое имъ утверженіе гибели всей виб-эмигрантской Россіи и не входя въ критику этой смертоносной ре-столько для большевиковъ, сколько для самой же эмиграціи по-зиціи, я хотѣлъ бы отмѣтить лишь одно свое недоумѣніе. Кѣмъ въ сущности населенъ эмигрантскій ковчегъ Д. С. Мережковского? Кто спасается въ немъ для будущей Россіи? Стоитъ ли спасать «захолустниковъ» изъ «Совр. Зап.» и «безнамятныхъ с.-р., внашихъ въ нравственный маразмъ с.-д., не устоявшихъ передъ сатанинскимъ соблазномъ «путейцевъ» и всѣхъ остальныхъ выкращенныхъ въ «слитный, смутный, итшехоново-прокоповиче-ку-тэвскій, продуктивный цвѣтъ Слонимскъ, Святопольскъ - Мирскихъ» и т. д. и т. д. Группѣ «Новаго корабля» ясно, что не стоитъ и оны съ наслаженіемъ гонить всѣхъ этихъ «рыжыхъ крысъ» въ мутныхъ водахъ своей шумной, злой, талантливой, но слѣпой и духовно немощной полемики.

Но кто же въ концѣ концовъ спасается въ ковчегѣ? Въ тохъ то и дѣло, что почти никто. — нѣсколько крупныхъ литературныхъ именъ и какіе то будто бы стоящіе за ними безымянные представители еще не раздѣленной соглашательствомъ эмиграціи. Не я-но ли послѣ всего этого, что Ной ковчега вовсе не великій духъ Россіи, а всего только духъ Д. С. Мережковского. Духъ Россіи врятъ ли бы сталъ строить ковчегъ для спасенія одной только команды «Новаго корабля». Оны безусловно задался бы болѣе широкими планами и проявилъ бы болѣе любви къ созданной имъ эмигрантской твари.

Не спорю, у руководителей «Новаго корабля» очень *опредѣленный* критерій добра и зла. Но поскольку эта опредѣленность приводитъ къ упрощенному положенію: добро — то мы, а зло — въ остальные, она представляется мнѣ и съ нравственной и съ политической, и съ психологической точекъ зрѣнія весьма по-зрительной.

Лучше меньше опредѣленности, но больше внимательности, вдумчивости, сложности и любви.

Напечатанныя мною въ послѣднихъ №-рахъ «Совр. Зап.» «Мысли о Россіи» вызвали цѣлый рядъ очень интересныхъ критическихъ откликовъ. Мнѣ хотѣлось бы коснуться нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Публицистическія статьи нѣчто совѣтъ иное, чѣмъ научное изслѣдованіе или художественное произведеніе. Онѣ пишутся для современности. Не воспринимаемая современностью или воспринимаемая ею превратно, онѣ не исполняютъ своего назначенія, остаются пустымъ бездѣйственнымъ словоназверженіемъ.

Начну съ весьма интересныхъ замѣчаній П. П. Муратова. Онъ утверждаетъ, что Россія вовсе уже не такъ «безформенна», «недѣлительна» и «аникультурна», какъ то принято думать, какъ то буди-сы думаю и я. Я согласенъ съ Муратовымъ въ его высокой оцѣнкѣ чувства и дара формы и потому не согласенъ съ его определеннымъ зачисленіемъ моего голоса въ хоръ дѣлителей и хулителей безформенности русской души.

«Что русская стихія по преимуществу религіозна — вѣрно, но что Россія формально не озарена — совершенно ли на чемъ не основанная выдумка. А нагорные силуэты волжскихъ городовъ? А покоемъ міромъ? А вся чинная церемониальность ископаго русскаго быта? А истинный русскій плясъ и многоголосный хоръ? — Неужели все это не говоритъ о совершенно исключительномъ по своей непосредственности русскомъ чувствѣ формы. О немъ же не только говорить, но уже кричить все русское искусство. И Пушкиль (цѣлкомъ) и самоувѣтность гоголевскаго слова и конструктивный динамизмъ романовъ Достоевскаго и стереоскопическіе рельефы Толстого и сложная фактура стилизованной, коллекціонирующей пародіи словечки прозы Лѣскова, и крѣпостной театръ и нашъ балетъ и современная живопись и современная литература вплоть до Ремизова и «безформеннаго» Бѣлаго — все это совѣтъ не религіозное міросозерцательное томленіе, а искусство — очень большое, зрѣлое мастерство, прошедшее черезъ пелену громаднаго любовнаго, внимательнаго труда».

Такъ я писалъ не такъ ужъ давно къ тѣмъ же «Совр. Зап.». Въ чемъ же дѣло? Не могъ же я перечлнить такъ радикально свое мнѣніе. Очевидно между нами произошло недоразумѣніе. Выводать ли въ этомъ я, не точно высказавшій въ послѣдней статьѣ свои мысли, или Муратовъ, недостаточно вчитавшійся въ нихъ (охотно беру вину на себя), не важно. Важно лишь то, что все сказанное мною о безформенности, бездѣльности и мистичности той природно мужицкой и интеллигентской Россіи, что на мой взглядъ составляетъ національно религіозную основу большевизма, отнесено П. П. Муратовымъ къ Россіи цѣлкомъ, къ Россіи вообще.

А, во-вторых, то, что он упрощает мое понятие безформенности, взяв его вне той диалектики, которая присуща ему не только в моем истолковании, но и по существу.

Утверждая, что сущность русской души (между прочим и души русского пейзажа) заключается в безформенности, я тут же продолжал «въ безформенности, не въ смыслѣ малой выразительности ея формъ, а въ смыслѣ качественной особенности выражаемаго ими формами содержанія. Качественная же особенность этого содержанія есть религіозность. Всякое религіозное содержаніе всегда выражалось въ исторіи мысли и художественномъ творествѣ (и всегда будетъ выражаться въ нихъ) въ совершенно особой формѣ (иногда прекрасной и строгой), которую я называлъ бы формою *формоборчества*. Съ убылью же религіознаго содержанія, съ перерожденіемъ его въ содержаніе псевдорелигіозное — демоническое или антирелигіозное — сатанинское, перерождаются и выражающія его формы формоборчества въ абсолютную безформенность, во взрывъ всѣхъ формъ. Такимъ взрывомъ всѣхъ формъ связаннымъ съ перерожденіемъ русской религіозной стихіи въ стихію псевдо-религіозную и рисуется мнѣ русская революція.

Тутъ дѣло совсемъ не въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя по правильному мнѣнію Муратова «вездѣ есть», а въ тѣхъ совершенно особыхъ русскихъ противорѣчіяхъ, которыя сейчасъ кромѣ какъ въ Россіи, на мой взглядъ, нигдѣ нѣтъ и которая прежде всего обусловлена преждевременною встрѣчей русской души, — древней, живой, народной религіозности съ идеями и формами западно-европейской культуры. Любоваться этими противорѣчіями намъ конечно не приходится. И я не думаю, что опредѣляя русскую революцію (узель всѣхъ противорѣчій) какъ *грясъ Россіи передъ самою собою*, я заслуживалъ бы упрекъ въ призывѣ къ такому самолюбованію.

Для меня нѣтъ ля малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что главная, стоящая передъ нами задача заключается не въ эстетическомъ любованіи этими противорѣчіями, а въ волеюмъ преодолѣніи ихъ. Преодоленіе же это конечно не возможно безъ той прекрасной трезвой, крѣпкой и ясной Россіи, о которой напоминалъ П. П. Муратовъ.

Что я о ней помнилъ, когда писалъ о національно-религіозныхъ основахъ большевизма, могло бы сказать Муратову мое сопоставленіе Пушкина и Достоевскаго, заканчивающееся словами: «ужь очель не любимъ мы середилности и мѣщанства, до того не любимъ, что иногда и не замѣчаемъ, что обжитая бездна — бездна превращенная въ бытовое явленіе, вовсе уже и не мрачная

бездна, а всего только темная дыра». Право что не похоже на любованіе «противорѣчіями», на любованіе бездною.

Но одно дѣло любоваться противорѣчіями, совсѣмъ другое забывать о нихъ. Забывать нельзя, особенно сейчасъ, пока описанная мною Россія все еще такъ страшно торжествуетъ надъ Россіей выдвинутой Муратовымъ. Тѣмъ болѣе что кое-кто (говорю, конечно, не о П. П. Муратовѣ) уже начинаетъ забывать страшное, грѣшное противорѣчіе революціи и прославлять въ Сталинѣ русское чувство государственности, крѣпкое русское бытостроительство и національное преодоленіе революціоннаго интернаціонализма. А вѣдь отсюда только одинъ шагъ до введенія «сталинизма» въ композицію той творческой, дѣловой «русской Америки», которую Муратовъ связываетъ съ тозернымъ пейзажемъ сѣвера и со строгой архитектурой сѣверныхъ церквей.

Я знаю, что эти провокаціонныя мысли убѣгаютъ далеко въ сторону отъ прямого пути Муратовскихъ размышленій и П. П. за нихъ ни въ коей мѣрѣ и степени не въ отвѣтъ; но онѣ врядъ ли случайно пришли мнѣ въ голову во время чтенія Муратовской замѣтки, почему я и высказалъ ихъ въ связи съ нею.

Увѣренъ, что если эта замѣтка попадетъ на глаза П. Н. Милюкову, она лишь укрѣпитъ его представленіе о моей неспособно-сти къ объективному, научному анализу занимающихъ меня проблемъ. Я искренно благодаренъ уважаемому негорику и политику за то вниманіе, которое онъ удѣляетъ моимъ писаніямъ и искренне опечаленъ тѣмъ, что, несмотря на все вниманіе, мои работы въ послѣднемъ счетѣ все же остаются для него какими то лирико-схематическими невнятицами. Боюсь, что мнѣ не удастся не только разсѣять, но даже ослабить своеобразное представленіе моего критика обо мнѣ. Мы очень различные люди и ученые очень разныхъ стилей и школъ. Основное, въ чемъ намъ никогда не сговориться съ П. Н. Милюковымъ заключается въ томъ, что ему религіозное начало, какъ таковое, представляется началомъ только субъективнымъ и потому окончательно недоступнымъ научно-соціологическому анализу. Онъ такъ и пишетъ: «тутъ (т. е. тамъ, гдѣ рѣчь начинается о «божественномъ») уже компетенція историка и соціолога кончается: начинается собственная компетенція г. Стецуца, компетенція мистика, романтика и поэта». Такое пониманіе вещей представляется мнѣ въ корнѣ невѣрнымъ. Или никакого религіознаго начала вообще нѣтъ и надо перестать о немъ говорить, или оно есть наиболее *объективное начало*, съ котораго всякая собственная компетенція не только не начинается, а въ которомъ она, наоборотъ, кончается. Какъ начало объективное, религіозное начало представляетъ собою совершенно

такой же законный объект научно-социологического описания, какъ и всякое иное — эстетическое, этическое, социальное, национальное и т. д. Конечно, исследование религиознаго начала требуетъ внутреннего знанія его сущности: но этого же требуетъ описание и всякаго иного духовнаго предмета. Безъ таково опытнаго знанія духовныхъ основъ жизни, ея послѣднихъ реальностей никакое подлинное историческое или социологическое знаніе невозможно. Безъ таково знанія социологія изъ того, чѣмъ она только и можетъ быть, изъ феноменологіи историческихъ конкретностей, неизбежно будетъ перерождаться въ тѣ безпредметныя построения причинно-слѣдственныхъ рядовъ, которыми такъ богата современная наука и которыя въ пѣкоторомъ смыслѣ представляютъ собою своего рода явленія духовной инфляціи — неоплаченныя внутреннимъ знаніемъ конструктивныя отвлеченности. Я пишу это, конечно, не ради нападокъ на П. Н. Милюкова-историка, а лишь ради самозащиты отъ Милюкова критика. Миѣ кажется, что всѣ его упреки миѣ могутъ быть въ послѣднемъ счетѣ объяснены тѣмъ, что онъ мое сильное описание смыслового состава русской революціи сразу же въ процессѣ чтенія переводитъ на свой языкъ (раціональнаго) объясненія ея. Я ничего не объясняю и ничего не «вывожу». Я не вывожу души народа изъ души пейзажа (какъ дѣлало большинство социологовъ со времени Бокля), считая такое выведение совершенно произвольной идеологической конструкціей, а просто описываю стилистическую структуру русскаго пейзажа и русскаго мужицкаго хозяйства, указывая своимъ описаніемъ на ихъ явное сходство.

П. Н. Милюковъ пишетъ, что мое утвержденіе «безлюбиваго» отношенія мужика къ землѣ «очевидно несовмѣстимо съ ролью земельнаго вопроса въ революціи». Я спрашиваю, что значить теоретическое «очевидно несовмѣстимо». Когда я своими глазами вижу, что оно въ конкретности, въ жизни совмѣщается и описываю въ статьѣ формы этого совмѣщенія. Русскій мужикъ страстно любитъ лошадь. У каждаго на конной глаза изъ орбитъ лѣзутъ. Каждый о своей чудеса рассказываетъ: «пе лошадь — мысль, а до чего умна, и сказать невозможно!» и т. д. Развѣ это не любовь? — любовь, больше — страсть. Ну а отношеніе къ любимой — какое? любовное? — Нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ. Чистить — никогда не чистятъ: кормятъ — впроголодь, въ ночномъ ноги путами перетираютъ и всегда голодную гонять въ три влуга. Вотъ и выходитъ: «безлюбивое отношеніе къ страстно любимому существу». Быть можетъ, П. Н. Милюковъ разложить: очевидно, мужикъ любитъ вѣду, а не лошадь, но это

будетъ невѣрно: и никакимъ «очевидно несомнѣтельно» тутъ ничего не объяснишь. Такъ же дѣло обстоитъ и съ землею.

Мнѣ было бы очень интересно разобрать съ интересующей меня методологической точки зрѣнія переводъ феноменологическаго описанія на причинно-слѣдственное «выведеніе» нѣзкій рядъ сдѣланныхъ мнѣ Милюковымъ удивень, но это ставило бы меня слишкомъ далеко.

Останавливаюсь потому только еще на одномъ особо показательномъ вопросѣ. Описывая національныя корни русской революціи и опредѣляя большевизмъ, какъ тяжчайшій грѣхъ Россіи передъ самою собою, я высказываю простую мысль, что такъ какъ грѣхъ, какъ чужой грѣхъ вообще непознаваемъ (такова природа нравственнаго познанія), то каждый русскій человѣкъ долженъ чувствовать себя въ отвѣтъ за то, что большевики сдѣлали съ Россіею. Это описаніе, по моему, элементарной нравственной связи между грѣхомъ большевизма и каждымъ русскимъ человѣкомъ П. Н. Милюковъ превращаетъ въ классическій сдвѣдизмъ. По его мнѣнію, у меня выходитъ, «что если мы — русскіе, а большевизмъ есть творческая русская стихія, то очевидно въ глубинѣ совѣсти мы все должны признать себя большевиками». Но вътъ очевидно, («очевидно» П. Н. Милюкова совѣсть не очевидно), что большевики это тѣ, которые считаютъ большевизмъ *за правду*, а не большевики тѣ, что считаютъ большевизмъ *за грѣхъ*. Въ странное недоразумѣніе впадаетъ, къ слову сказать, по этому вопросу и г. Магъевъ, котораго нѣсколько задѣло появленіе П. М. Блишца фашизма, какъ типично національнаго явленія. Ему показало, что это такъ же невозможно, какъ и пониманіе большевизма, какъ явленія, уходящаго своими корнями въ глубину русскаго характера и русской судьбы, пониманіе, которымъ, по его мнѣнію, грѣшатъ иностранные изслѣдователи Россіи и которое ранитъ русское сердце. Мнѣ кажется, что неприемлемое въ иностранномъ большевизанствующемъ подходѣ къ русской революціи заключается лишь въ пониманіи большевизма, какъ русской правды, какъ чего то для Россіи *необходимаго и естественнаго*. Пониманіе же большевизма какъ нашего общаго грѣха, котораго можно и должно было избѣжать (понятіе грѣха всегда связано съ понятіемъ свободы), есть единственное возможное для русскаго человѣка отношеніе къ вопросу.

Но вернемся къ П. Н. Милюкову. Меня интересуетъ вопросъ: почему П. Н. Милюковъ считаетъ, что я во власти «априорной схемы» и «все приношу въ жертву ея молочу». Если бы это было такъ, то П. Н. Милюкову ничего не стоило бы сформулировать мою схему. Но сформулировать ее въѣ моего конкретнаго матері-

аза, мнѣ кажется, не удастся. Быть можетъ, у меня особо устроенный глазъ, быть можетъ, глазъ устроенный скверно, но особо устроенный глазъ все же нѣчто совѣмъ иное, чѣмъ апріорная схема. Апріорная схема - рельсы духовной территоріи; и да прости мнѣ П. Н. Милюковъ, но мнѣ, по всей моей совѣсти, кажется, что его мысль съ гораздо большей увѣренностью движется по опредѣленнымъ рельсамъ среди знакомыхъ станцій, чѣмъ моя зачастую колобродящая въ темныхъ просторахъ. Боюсь, что П. Н. Милюковъ только потому и считаетъ мои метафизическія описанія за схемы, что они неудобогранспортируемы по его железнодорожной сѣти, специально построенной для реальной политики.

Если П. Н. Милюковъ обвиняетъ меня въ схематизмъ и апіоризмъ, то М. В. Вишнякъ обвиняетъ меня въ обратномъ, въ злоупотребленіи многомысленностью живого слова, въ неуловимой переливчатости моихъ утвержденій. Обвиненіе это я считаю гораздо болѣе справедливымъ и защищаться отъ нападокъ М. В. Вишняка мнѣ гораздо труднѣе. Вишняку кажется соблазнительной моя мысль «о созвучности» стихіи (народной) съ выдумкой (большевиковъ), и онъ спрашиваетъ меня, значить ли это, что «*въ побѣдѣ большевиковъ была имманентная неизбежность, исключавшая всякую иную возможность развитія Россіи*». Отвѣчаю — нѣтъ, не значить, и не значить потому, что царство исторіи есть царство свободы, и что въ ней властвуетъ не законъ, а творчество. Я опять не дедуцирую, не выводку (и М. Вишнякъ самъ свидетельствуетъ это въ ослѣченіи отъ П. Милюкова) большевизма изъ русскаго пейзажа, русскаго хозяйства, особенности русской интеллигенціи и философіи, я всего только описываю ту, заложенную во всѣхъ этихъ пластахъ русской духовности большевизскую тему, которая побѣдила въ революціонной борьбѣ. Но то, что эта тема побѣдила въ борьбѣ, значить что она боролась противъ *другихъ* темъ и другихъ силъ Россіи. Побѣду большевизма считаю «*тѣмъ* Россіи передъ самою собою» — это значить, что не побѣдившія, но долженствовавшія побѣдить темы и силы я считаю темами и силами русской *правды*, за которую намъ предстоитъ бороться. Февральскую и октябрьскую революціи я не раздѣляю, конечно, не потому, чтобы я не чувствовалъ громадной разницы между людьми и идеями февраля и октября, а потому что считаю эту весьма существующую разницу реальной въ самыхъ различныхъ планахъ — въ этическомъ, національномъ, правовомъ и т. д., но только не въ революціонномъ.

То, что въ идеяхъ и людяхъ февраля было отъ революціи, (отъ ея верховнаго смысла: отъ смысла взрыва всѣхъ смысловъ), то въ полной мѣрѣ и вызрѣло въ большевизмѣ. Отречься отъ этого

наслѣдія намъ. лютямъ февраля, не приходится. Да, и мы октябрь, потому что не сумѣли предупредить октября.

М. В. Вишнякъ ставить мнѣ очень трудный вопросъ. «Степунъ констатируетъ. пишетъ мой критикъ, невѣроятную напряженность и высоту метафизической проблематики русской революціи», — большевизма тоже. И вѣстьтъ етъ тѣмъ — «ея предѣльное окаянство». Но какое изъ этихъ началъ въ ней перевѣшиваетъ. — авторъ не указываетъ. Остается неясной и точка зрѣнія автора данной статьи. Предпочелъ ли бы онъ, къ добру и злу отнюдь не равнодушный, «чтобы русская революція произошла бы много тише, приглушеннѣе, рациональнѣе», на нѣмецкій ладъ — но зато Толстой и Достоевскій не стали бы тѣмъ, чѣмъ они стали: всемірно значительными іероглифами русской народной религіозности? Или, несмотря на «окаянство», онъ, все таки предпочитаетъ русскую революцію нѣмецкимъ граблямъ, долгу и мѣрѣ?»

Какъ отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ такъ, чтобы снова не впасть въ «многословіе переличататаго слова». Думаю М. Вишнякъ пойметъ меня, если я ему скажу, что отвѣтъ, который онъ отъ меня требуетъ, мною въ извѣстномъ смыслѣ уже данъ. Если бы я предпочиталъ метафизическую глубину большевизма окаянства нѣмецко - февральскому паѣосу порядка, мѣры и законности, я работалъ бы у большевиковъ надъ углубленіемъ революціи, а не писалъ бы въ «Соврем. Запискахъ». Но я знаю, что этотъ мой отвѣтъ не отвѣчаетъ на тотъ психологически тонкій и острый вопросъ, который мнѣ ставитъ Вишнякъ. Я понимаю такое положеніе, когда врачъ у постели больного честно исполняетъ свой долгъ, но внутренне уже не вѣритъ въ свое дѣло, чувствуетъ, что его противники-страданіе и смерть — метафизически гораздо глубже и значительнѣе его науки и его человѣколюбія. Признаюсь откровенно, въ моемъ отношеніи къ большевизму есть нѣчто отъ психологіи такого врача. Но я не забываю и никому не позволяю забывать, что такая психологія права только до тѣхъ поръ, пока врачъ остается врачомъ, а не становится пособникомъ смерти — убійцей. Итакъ, односмысленно и за борьбу до конца съ врагомъ.

Слышу, М. Вишнякъ все-таки не удовлетворенъ, онъ меня допрашиваетъ, ну а что же хорошо, что большевики были, или лучше если бы ихъ не было? На этотъ вопросъ я *сейчасъ* отвѣтить не могу. Отвѣтъ на него будетъ зависеть отъ того, во что переродится большевизмъ въ Россіи. Если все кончится только порядкомъ, мѣрой, закончѣмъ, — то большевизмъ, придется признать только зломъ, тѣмъ, чего лучше бы не было. Но если Россія въ будущемъ, въ своемъ національномъ и социальномъ строителствѣ вознесетъ

ся на тѣ положительныя религиозныя, этическія и социальныя высоты, о которыхъ пророчествовали Толстой и Достоевскій, съ которыхъ она сорвалась въ большевизмъ, которая она искажила въ революціи, то октябрь будетъ оправданъ. Октябрь не только то, что онъ есть. Октябрь и то, что мы изъ него сдѣлаемъ.

Быть можетъ и этотъ отвѣтъ многосмыслененъ, но я думаю, это не страшно, такъ какъ мнѣ кажется, онъ окончательно очищенъ отъ всякой двусмысленности.

Федоръ Степунъ.